

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47)“18”+339.354(47)
JEL B1+F1+N73

Формирование таможенной политики России в первой половине XIX в.

С. А. Нефедов

Институт истории и археологии УрО РАН,
Российская Федерация, 620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
Уральский федеральный университет,
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Для цитирования: Нефедов, С. А. (2023) ‘Формирование таможенной политики России в первой половине XIX в.’, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 39 (2), с. 268–286. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.206>

Статья посвящена изучению влияния на экономическое развитие России в первой половине XIX в. таможенной политики, которая в основном определялась борьбой двух социально-политических сил, имеющих противоположные экономические интересы. Одной из этих сил были аграрии, землевладельцы-дворяне, заинтересованные в свободной торговле, то есть в свободном экспорте сельскохозяйственной продукции и беспошлинном получении мануфактурных товаров из промышленных стран. Другой силой, роль которой до сих пор принижается историками, было абсолютистское государство, олицетворяемое монархом и центральной бюрократией. Государство было заинтересовано в поддержании военной и финансовой мощи и экономической независимости, что подразумевало наличие промышленности, которую следовало охранять от иностранной конкуренции высокими таможенными пошлинами. Интересы этих сил находили отражение в идейном противостоянии. С одной стороны, среди дворянства, были популярны идеи прокламирующей свободу торговли политической экономии Адама Смита; бюрократия, находясь на другой стороне, использовала в своей практике идеи традиционного меркантилизма. После окончания Наполеоновских войн пошлины были значительно уменьшены (тариф 1819 г.), однако относительная свобода торговли привела к массовому разорению русских мануфактур, и в итоге тариф 1822 г. ознаменовал решительный поворот к меркантилистской политике. Хотя министр финансов России Е. Ф. Канкрин на словах придерживался протекционизма, он сохранил наиболее важный меркантилистский запрет на импорт металлов морским путем. При

отсутствии конкуренции уральские заводчики получали монопольные прибыли на внутреннем рынке; они не были заинтересованы во внедрении новой техники, и промышленный переворот прошел мимо российской металлургии. Таким образом, в то время как бездумный переход к свободной торговле в 1819 г. вызвал разорение значительной части мануфактур, доведенная до крайности охранительная политика вызвала техническую стагнацию в важнейших отраслях экономики. Это во многом предопределило дальнейшее экономическое отставание страны.

Ключевые слова: экономическая политика, таможенная политика, свобода торговли, меркантилизм, протекционизм, тариф 1819 г., тариф 1822 г.

Введение

XIX столетие было временем так называемой «великой дивергенции», когда резко обозначилось различие в темпах экономического развития стран Запада и остального мира. Причины этого расхождения до сих пор являются предметом дискуссии историков и экономистов, однако нет сомнения, что успешное или, наоборот, замедленное экономическое развитие любой страны определяется проводимой ее властями экономической политикой. Таможенная политика является важной частью экономической политики и в существенной степени отвечает за успех или неудачу экономического развития. Поэтому изучение факторов, влияющих на формирование таможенной политики, представляет значительный интерес.

Факторы, о которых идет речь, можно разделить на внешние и внутренние. К внешним факторам относится военное, политическое или идеологическое давление извне. Внутренние факторы — это потребности государства и отдельных групп участвующего в экономической деятельности населения. Нужно отметить, что до сравнительно недавнего времени государство не считалось самостоятельным фактором экономического развития: полагали, что оно является инструментом или органом согласования действий различных элитных групп. Однако с развитием структурного подхода стала учитываться относительная автономия государства и его централизованной бюрократии (Skocpol, 1979; Goldstone, 1991). Что касается роли отдельных групп населения, то традиционно рассматривается роль промышленников и аграриев, имеющих свои, несовпадающие интересы.

Все эти многообразные факторы обычно принимают форму следования той или иной экономической доктрине. С внешней стороны процесс формирования экономической политики выглядел как борьба идей и идеологий. Джон Мейнард Кейнс в свое время писал, что «идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь усопшего экономиста прошлого» (Кейнс, 2007, с. 340).

Однако, как увидим далее, ситуация была прямо противоположной. Борьба идей была внешней оболочкой противоборства различных факторов, и люди практики не были рабами; экономические доктрины служили идеологическим инструментом в реализации практических потребностей.

Влияние различных факторов на формирование таможенной политики Российской империи в некоторых конкретных случаях рассматривалось в общих ра-

ботах по истории таможенной и торговой политики (Лодыженский, 1886; Витчевский, 2020; Соболев, 1911; Струве, 2007). Однако эти обстоятельные исследования были выполнены еще в конце XIX — начале XX в., и их авторы не могли использовать для компаративного анализа материалы последующей эпохи. Работы, написанные в советское время (например, Покровский, 1947), использовали не всегда продуктивную марксистскую методологию (в частности, отрицалась автономия государства). Что же касается постсоветского периода, то, как отмечают Е. В. Лобас и М. М. Савченко, «в современной российской историко-экономической науке внешнеторговая и таможенная проблематика занимает скромное место. Большая часть имеющихся работ... решает ограниченные исследовательские задачи» (Лобас и Савченко, 2017, с. 15). Наиболее значимые исследования посвящены попыткам реформ в правление Александра I (Лобас и Савченко, 2017; Коршунова, 2008, 2017).

1. Противоборство экономических концепций

XVIII и XIX вв. были временем идейного противоборства четырех основных экономических концепций: меркантилизма, физиократии, классической политической экономии и протекционизма. Для дальнейшего придется вкратце напомнить, каково было отношение этих концепций к таможенной политике. Меркантилисты полагали, что богатство государства зависит от количества звонкой монеты, поэтому они требовали соблюдения баланса внешней торговли, что достигалось высокими таможенными пошлинами и прямыми запретами на ввоз отдельных товаров. В целях соблюдения баланса основные товары должны были производиться внутри государства, в особенности это касалось хлеба. Вывоз хлеба, как правило, запрещался, а в случае нехватки его потребление регулировалось. Принцип государственного регулирования распространялся на многие сферы экономической жизни. В конечном счете политика королей была направлена на обеспечение внутренней стабильности, независимости и военного могущества монархии (Штейн, 1924, с. 10–11). Меркантилизм не был четко сформулированной концепцией, но в целом он исходил из практических потребностей государства, что согласуется со структурным подходом: действительно, абсолютистское государство XVIII–XIX вв. было в наибольшей степени автономно относительно требований элитных групп. При этом роль государства находила конкретное отражение в деятельности монарха и центральной бюрократии.

Вопрос о запрещении или разрешении вывоза хлеба был водоразделом, разделявшим меркантилистов и физиократов. Физиократы отстаивали тезис свободы торговли (*free trade*), который отражал интересы аграриев, землевладельцев и ведущих товарное производство фермеров. Эта концепция выдвигала на первое место сельское хозяйство, а промышленники, ремесленники, купцы характеризовались как «бесплодный класс» (Кенэ и др., 2008, с. 246, 280, 567–574).

Адам Смит сделал тезис о свободе торговле одним из основных принципов классической политической экономии. Это было проявление общего отказа от характерного для меркантилизма государственного регулирования и переход к принципу невмешательства государства в экономическую жизнь (*laissez-faire*). Смит утверждал, что если одна из двух стран обладает преимуществом в производстве определенного товара и продает его дешевле, то другой стране выгодно покупать

его у первой страны, поставляя в ответ товары, в производстве которых преимуществом обладает эта другая страна (Смит, 1962, с. 333). При этом подразумевалось, что Англия обладает преимуществом в производстве промышленных товаров, а аграрные страны — преимуществом в сельскохозяйственном производстве, и им выгоднее обмениваться своими продуктами с Англией, нежели развивать свою промышленность. Если аграрная страна обладает высокими пошлинами английские промышленные товары, то она причиняет ущерб собственным интересам, повышая стоимость этих товаров для потребителей в угоду немногочисленным местным промышленникам (там же, с. 487).

Очевидно, что свобода торговли была выгодна как промышленникам и торговцам Англии, так и аграриям стран, у которых Англия покупала сельскохозяйственные товары. Напротив, промышленники этих стран и аграрии Англии оказывались в невыгодном положении, сталкиваясь с иностранной конкуренцией. Поэтому Англия, призывая другие страны к снижению пошлин на промышленные товары, долгое время сохраняла высокие пошлины на импорт хлеба.

Внешне логичные положения классической политической экономии приобрели популярность как в Англии, так и в других европейских странах; они изучались в университетах и многократно звучали в публицистических статьях. Однако не были приняты в США, где после Войны за независимость в области экономической философии сформировалась Американская школа (или Американская система), родоначальником которой считается Александр Гамильтон. В отчете перед Конгрессом 1791 г. Гамильтон указывал, что независимость и безопасность государства требуют обеспечения его в том числе средствами обороны, что невозможно без развития мануфактурной промышленности. Он сформулировал тезис, впоследствии получивший название «аргумент младенческой промышленности» (*infant industry argument*). В условиях свободной торговли создаваемая молодая промышленность не может выдержать конкуренции с развитой промышленностью других народов, особенно потому, что конкуренты стремятся препятствовать ее укреплению временным снижением цен на свои товары. Поэтому молодая промышленность нуждается в государственной защите путем обложения иностранных товаров высокими (вплоть до запретительных) таможенными пошлинами (Гамильтон, 1807, с. 40–41, 65–66, 76–77).

Аргумент младенческой промышленности в дальнейшем стал основой протекционизма. В отличие от меркантилизма, протекционизм не заботился о накоплении звонкой монеты и не абсолютизировал принцип торгового баланса: суть этого учения сводилась к защите национальной промышленности. Теория протекционизма получила развитие в трудах долгое время жившего в США немецкого экономиста Фридриха Листа. В своем важнейшем труде, увидевшем свет в 1841 г., Лист доказывал, что классическая политическая экономия искажает реальность: она «исходит из гипотезы, что нации всего земного шара образуют собою одно общество, пребывающее в вечном мире», и потому должна называться не «политической», а «космополитической экономией» (Лист, 2005, с. 116). Фридрих Лист противопоставил ей национальную политическую экономию, учитывающую конкуренцию, войны и господствующий национализм. «История представляет даже примеры гибели целых наций, которые не умели в благоприятное время разрешить великую задачу обеспечения умственной, экономической и политической самостоятельности по-

средством создания собственных фабрик и заводов и прочного промышленного и торгового положения», — писал Ф. Лист (Лист, там же, с. 39). Поэтому национальное государство должно развивать свою молодую промышленность и защищать ее от иностранной конкуренции с помощью высоких таможенных пошлин. Однако Лист предупреждал, что, поддерживая промышленников и повышая таможенные пошлины, необходимо соблюдать разумную умеренность. Чрезмерные пошлины вредны, «так как вследствие этого исчезает у заводчиков и фабрикантов стремление к соревнованию с другими странами и появляется равнодушие» (там же, с. 37). Лист предупреждает о вреде повышения пошлин в фискальных целях (там же, с. 244). Таким образом, в области таможенной политики протекционизм отличался от меркантилизма, в частности, тем, что обращал особое внимание на поддержку молодых отраслей промышленности, но отвергал запретительные и фискальные пошлины, настаивая на сбалансированном характере этой поддержки.

В конечном счете протекционизм был концепцией, выразившей в первую очередь интересы национального государства, во вторую — интересы промышленников. Признание относительной автономии государства открывает возможность новой интерпретации той борьбы, которой сопровождалось формирование таможенной (и экономической) политики России в XIX в. Это была борьба между двумя коалициями: с одной стороны — государством в союзе с еще слабыми российскими промышленниками, с другой стороны — аграрной элитой (дворянством), которая выступала в союзе с внешней силой, английскими торгово-промышленными кругами и английским правительством.

2. Таможенная политика до окончания Наполеоновских войн

Переходя к анализу влияния различных факторов на формирование таможенной политики России, нужно отметить, что об эффективной таможенной защите русской торговли можно говорить только с 1780-х гг. XVIII в. До этого времени усилия по проведению той или иной таможенной политики были эфемерными в силу чрезвычайного распространения контрабанды. Тем не менее для дальнейшего необходимо кратко охарактеризовать направление таможенной политики в XVIII в.

Петр I, пребывая в 1717 г. во Франции, уделял большое внимание изучению французских регламентов, и его политика была исполнена духа кольберовского меркантилизма. Фактически был запрещен вывоз драгоценных металлов и хлеба; по тарифу 1724 г. были введены высокие пошлины на ввоз мануфактурных товаров, если подобные товары производились в России. Однако ввиду развития контрабанды петровский тариф продержался недолго, в 1731 г. для большинства товаров пошлина была снижена до 10%. Примерно столько с купцов брали и контрабандисты, так что пройти через таможенную теперь было удобнее и контрабанда уменьшилась. В 1757 г. была предпринята попытка вернуться к петровскому (и даже более строгому) тарифу, но это вызвало новый расцвет контрабанды (Лодыженский, 1886, с. 55–93).

Екатерина II, как видно из ее сочинений, была последовательницей учения физиократов. В Наказе для Комиссии по составлению уложения она писала: «Земледелие есть первый и главный труд, к которому людей поощрять должно; второй есть рукоделие из собственного произращения» (цит. по: там же, с. 105). Императрица

подтвердила указ Петра III о разрешении вывоза хлеба и снизила таможенные пошлины на большинство товаров. Однако на предметы роскоши пошлина осталась высокой, и контрабанда продолжалась. Поэтому в 1782 г. был введен новый тариф, по которому средняя норма обложения составляла 10 %, и лишь на немногие товары она повышалась до 30 % (там же, с. 109–140).

Большинство исследователей считает, что в тарифе 1782 г. явно проявились фритредерские принципы учения физиократов (Лодыженский, 1886, с. 140; Витчевский, 2020, с. 31–32). Вслед за принятием тарифа был издан указ об учреждении особой таможенной стражи в пограничных губерниях, а в 1789 г. правительство пошло на более радикальную меру: западная сухопутная граница была временно (до 1792 г.) закрыта для ввоза большей части мануфактурных товаров (Минаева, 2011, с. 38–39). Эти меры имели существенный эффект: в 1790–1792 гг. фиксируемый на таможенных объемах импорт увеличился почти вдвое и соответственно возросли таможенные сборы (Лодыженский, 1886, с. 142, 144). После создания таможенной стражи контрабандная торговля уже не играла значительной роли в формировании таможенной политики; на первый план выходят другие факторы, анализу влияния которых посвящена данная статья.

В 1793 г. главную роль играл внешний, политический фактор. После казни Людовика XVI Россия заключила союзный договор с Австрией, Пруссией и Англией, в соответствии с которым союзники должны были прервать всякую торговлю с республиканской Францией. В частности, был запрещен ввоз французских товаров, большую часть которых составляли предметы роскоши. Но поскольку было затруднительно определить происхождение товаров, то запретили провоз вообще всех галантерейных товаров, тонких тканей, фарфоровой посуды, зеркал, карет, обуви и т. д. В 1797 г. Павел I включил эти запреты в новый таможенный тариф, в котором, кроме того, повышались пошлины на сахар, кофе, вина — всего на 60 наименований товаров элитного потребления. В конце 1800 г. был введен дополнительный запрет на ввоз шелковых, бумажных, льняных материй, изделий из стекла и т. д. Целью этих запретов было сокращение импорта, достижение активного торгового баланса, привлечение в страну драгоценных металлов с целью повышения курса рубля и покровительство отечественной промышленности (Лобас и Савченко, 2017, с. 35–36; Лодыженский, 1886, с. 158). Таким образом, правление Павла I ознаменовалось переходом к меркантилизму, и главную роль теперь играли интересы государства.

Необходимо отметить, что запрет на ввоз предметов роскоши был проявлением самостоятельности государства, независимости его от стремившейся к роскоши дворянской элиты. При Павле I офицерам было запрещено ездить в каретах, носить шубы и муфты; мундиры отныне должны были шить из простого сукна, так что они были в пять раз дешевле прежних (Сорокин, 1996, с. 52).

В 1800 г. в торговую политику вновь вмешался внешний фактор: конфликт с Англией привел к запрету на торговлю с этой страной, которая была главным торговым партнером России, поставщиком промышленных и потребителем российских сельскохозяйственных товаров. Это был удар по интересам аграриев, прежде всего по интересам дворянства. «Дворянство было обеспечено в верном получении доходов со своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лен и прочее, — писал М. А. Фонвизин. — Разрыв с Англией, нарушая ма-

териальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом» (Фонвизин, 1908, с. 203). В итоге составил заговор высшей знати, в котором приняли участие английский посол Ч. Уитворт и русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов (оба дипломата были отстранены от дел Павлом I за чрезмерно энергичное отстаивание английских интересов). В ночь на 12 марта 1801 г. Павел I был убит, а уже через день был снят запрет на торговлю с Англией. 2 апреля были отменены павловские указы 1800 г. и восстановлен таможенный тариф 1797 г. (Эйдельман, 1986, с. 183–186; Лодыженский, 1886, с. 159; Покровский, 1947, с. 155).

Таким образом, «англо-дворянская коалиция» одержала победу. Заинтересованность высшей знати в торговле с Англией иногда имела откровенно коррупционный характер. Так, генеральный канцлер и министр иностранных дел (1802–1804) А. Р. Воронцов еще с екатерининских времен был известен тем, что брал товары у английских купцов «в долг» без отдачи (Валишевский, 1990, с. 60). Однако в начале правления Александра I вещественные интересы приобретают идеологическое оформление в связи с приобретающими популярность фритредерскими идеями Адама Смита. Воспитатель Александра Ф. Лагарп читал своему ученику труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов»; трое из четырех членов Негласного комитета получили образование в Англии (Лобас и Савченко, 2017, с. 52–53). Выработка новой экономической программы была поручена министру коммерции Н. П. Румянцеву, который в сентябре 1804 г. представил императору записку «О разуме тарифа». Румянцев отдавал должное британскому мыслителю: «Я знаю, что догмат совершенной свободы торговой имеет ту важность, что первый провозвестил его Адам Смит, которого учение по справедливости приемлется руководством в созерцании государственных сил...» Однако Румянцев возражает Адаму Смиту: «Но если разрешить привоз и выпуск всего, без всякого стеснения, очевидно, что подвергнутся вместе с тем существующие мануфактуры упадку и разрушению». В итоге министр коммерции предлагает компромисс: снизить пошлины (которые достигали 100 % от стоимости товара) до максимальной величины в 20 % и при этом условии разрешить ввоз предметов роскоши (Румянцев, 2011, с. 288–295). Компромиссная позиция Румянцева еще до опубликования «Записки» подвергалась критике сторонников фритреда. «Таковы результаты... нежелания последовать столь же верным, сколь и ясным принципам бессмертного Адама Смита, которого граф Н. Румянцев полагает опровергнутым...», — писал англоман С. Р. Воронцов из Лондона (цит. по: Покровский, 1947, с. 177).

Нужно отметить, что позиция Румянцева была близка взглядам крупнейшего российского экономиста того времени, академика А. Шторха, которому Румянцев оказывал покровительство и который, признавая авторитет А. Смита, писал о необходимости сохранения умеренных пошлин для защиты русских мануфактур (Павлов, 1997, с. 434). Поскольку Шторх отстаивал тезис о таможенной защите промышленности вне связи с меркантилистским положением о необходимости сохранения торгового баланса, то В. А. Павлов называет его «умеренным протекционистом». В 1807 г. по заказу будущего министра финансов Д. М. Гурьева был переведен на русский язык «Отчет генерал-казначея Александра Гамильтона», ставший впоследствии библией протекционизма. Книгу выписали из Англии, но она была там такой редкостью, что печатное издание не удалось найти; перевод был сделан

с рукописной копии (Гамильтон, 1807, с. 2). По-видимому, в 1804 г. Шторх еще не был знаком с трудами Гамильтона; его взгляды основывались на практической необходимости защиты русской промышленности от атаки со стороны сторонников свободной торговли. Впрочем, эти взгляды не были устойчивыми, в 1815 г. Шторх издал «Курс политэкономии», в котором защищал выгоды свободной торговли (Павлов, 1997, с. 435).

В 1805 г. тариф Румянцева был частично введен в действие, были уменьшены пошлины на сахар, виноградные вина, шелковые материи и некоторые другие предметы роскоши. Это были товары, предназначенные в основном для потребления дворянства. Однако успех англо-дворянской коалиции привел к уменьшению таможенных сборов, к финансовым потерям государства в то время, когда оно вело войну с Францией. В результате Александр I резко изменил свою позицию, приказав вернуться к тарифу 1797 г. (Лобас и Савченко, 2017, с. 85–92).

В 1807 г. на первое место в формировании таможенной политики вновь вышел внешний фактор. После заключения Тильзитского мира Россия была вынуждена присоединиться к континентальной блокаде. Торговля с Англией была прекращена, повторилась ситуация 1800 г.: товары, производившиеся в помещичьих экономиках, снова потеряли сбыт, что вызывало крайнее недовольство дворянства. В то же время импорт французских товаров — в значительной мере предметов роскоши — сохранялся. В этой обстановке по инициативе М. М. Сперанского было принято «Положение о торговле на 1811 год». Для выравнивания торгового баланса правительство прибегло к стандартным меркантилистским мерам: ввоз предметов роскоши был запрещен, а другие иностранные товары были обложены чрезвычайно высокими пошлинами. Эти меры расценивались как антифранцузские, и хотя они наносили ущерб дворянству, оно смирилось в обстановке патриотического подъема. Кроме того, недовольство дворян смягчалось разрешением торговли с нейтральными странами, чем сразу же воспользовались английские торговцы, маскировавшиеся под «нейтралов». Это было нарушение континентальной блокады, которое (вместе с другими обстоятельствами) привело к войне 1812 г. (Лодыженский, 1886, с. 164–165; Витчевский, 2020, с. 54–55).

Осуществившийся под патриотическими знаменами переход к меркантилизму означал победу государства над интересами дворянства. Здесь нужно отметить роль национализма — экономический национализм в соответствии с идеями А. Гамильтона требует развития отечественной промышленности. Устранение иностранной конкуренции привело к резкому росту цен на мануфактурные изделия и к промышленному буму. В 1812–1814 гг. число мануфактур увеличилось на треть.

3. Попытка перехода к свободной торговле

Однако рост цен на товары и прибыли заводчиков иногда приобретал спекулятивный характер. В 1813 г. министр финансов граф Д. М. Гурьев представил расчет, в котором указал, что российские сукна стоят втрое дороже привозных, и при запрете на ввоз потребители (то есть «достаточные классы») переплачивают за них 24 млн руб., а правительство недобирает 4,5 млн руб. пошлины. (Для сравнения заметим, что весь импорт в 1813 г. составлял 122 млн руб.) С другой стороны (тут Гурьев повторял аргументы фритредеров), запретительная система отнимает

у промышленников всякое побуждение к соревнованию и улучшению производства. Министр финансов предлагал отменить часть запретов и уменьшить пошлины (Лодыженский, 1886, с. 169–172; Витчевский, 2020, с. 57).

Проект графа Гурьева натолкнулся на сопротивление мануфактуристов, представивших ко двору записку с изложением своих аргументов. Здесь, по-видимому впервые, промышленные круги начинают играть некоторую роль в определении таможенной политики. Впрочем, ходатайства промышленников вряд ли были бы приняты во внимание, если бы они не были поддержаны канцлером Н. П. Румянцевым и министром внутренних дел О. П. Козодавлевым. Последний указывал, что молодая российская промышленность не сможет развиваться в конкуренции с иностранной, то есть апеллировал к аргументу младенческой промышленности. Кроме того, министра финансов обвинили в недостатке патриотизма (Коршунова, 2017, с. 84–86; Лодыженский, 1886, с. 173–174; Покровский, 1947, с. 204).

В защиту высоких тарифов выступил также известный политический деятель, адмирал Н. С. Мордвинов, написавший трактат «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе». Мордвинов решительно выступал против тех, «кои утверждают, что Россия не должна иметь мануфактур, а должна быть токмо земледельческой державой и, следуя неограниченно великому правилу свободной торговли, сеять хлеб, размножать посевы пеньки, льну и на сии сельские произведения покупать у иностранных одежду, обувь, посуду, орудия и прочее» (Мордвинов, 1816, с. 27–28). Политик предлагал принять правительственную программу поощрения промышленности, в том числе содействовать внедрению прядильных станков и паровых машин. П. Б. Струве отмечал, что в книге Мордвинова чувствуется влияние идей А. Гамильтона, и причислял его к сторонникам протекционистской политики. В. В. Святловский считал адмирала русским предшественником Фридриха Листа (Струве, 2007, с. 179; Святловский, 1906, с. 57). Однако, по мнению автора статьи, отстаивая запретительный тариф и поддержание внешнеторгового баланса, Мордвинов, Румянцев и Козодавлев оставались на позициях традиционного меркантилизма.

Проект Гурьева был оставлен без движения, и государственным деятелям удалось сохранить свои позиции, но ненадолго. В 1815 г. в ход событий снова вмешался внешний фактор. На Венском конгрессе Александр I склонился к пожеланиям союзных держав и пообещал облегчить условия торговли. В 1816 г. был введен новый таможенный тариф, который разрешил к провозу многие товары, не относящиеся к предметам роскоши, в том числе грубые сукна стали провозиться с пошлиной в 15 %, сортовое железо — 25 %. Кроме того, на конгрессе была достигнута договоренность с Пруссией и Австрией о начале переговоров об установлении общих таможенных тарифов по границе, проходившей через бывшие польские области. Ссылаясь на необходимость поддержания торговли между частями Польши, разделенной между тремя державами, союзники России добились значительного понижения тарифов, закрепленных в договорах с Пруссией и Австрией. В 1819 г. был введен новый тариф, начавший действовать в 1820 г. и предусматривавший отмену запретов на ввоз многих продуктов. Хотя правительство пыталось компенсировать понижение пошлин введением налога на потребление, такая тарифная система открыла границы России для ввоза в первую очередь предметов роскоши. Ввоз шелковых тканей увеличился почти в пять раз, коньяка — в четыре раза. В целом ввоз

увеличился на 38%; баланс внешней торговли стал отрицательным (23,7 млн руб. ассигнациями) (Коршунова, 2017, с. 84–86; Лодыженский, 1886, с. 186–189; Покровский, 1902, с. 120–141; Витчевский, 2020, с. 64–65).

Тариф 1819 г. был введен в значительной степени по настоянию великого князя Константина, который, будучи фактически наместником в Царстве Польском, заботился в первую очередь об интересах польских подданных. По свидетельству Ф. Канкрин, «тариф 1819 г. убил многие фабрики» (цит. по: Марней, 2009, с. 209). Иностранные производители в массовых масштабах применяли демпинг, последовало массовое закрытие оказавшихся неконкурентоспособными российских мануфактур. Например, были закрыты 22 из 51 сахарного завода. Против нового тарифа протестовал даже прежний поборник свободной торговли граф Гурьев, обратившийся к императору Александру I с запиской «О положении заграничной торговли в 1820 и 1821 гг.». В записке указывалось, что в то время, как Россия снижает таможенные пошлины, западные страны, вопреки прокламируемым принципам свободы торговли, не спешат открывать свои рынки. Франция и Австрия налагают запреты на ввоз многих товаров, в Англии пошлины на некоторые товары достигают 90% (Коршунова, 2017, с. 86). В итоге Россия отказалась от соблюдения договоров с Пруссией и Австрией и с марта 1822 г. ввела новый запретительный тариф. Министр иностранных дел граф Нессельроде объявил, что «Россия вынуждена основать систему независимой торговли, что продукты Империи не находят больше рынков за границей, что мануфактуры ее крайне подавлены, что монета быстро утекает в отдаленные страны... что сельское хозяйство и торговля, равно как и фабричная промышленность... стоят на краю банкротства» (цит. по: Божерянов, 1897, с. 62). Великий князь Константин ополчился против Гурьева, и министру финансов пришлось просить об отставке, которая была принята в апреле 1823 г. (Марней, 2009, с. 76).

Тариф 1822 г. воздвигал таможенную границу между Россией и Царством Польским, где пошлины оставались прежними. На территории России запрещался импорт более 300 товаров, прежде всего предметов роскоши. Некоторые сорта шелковых, шерстяных, хлопчатобумажных тканей, табака, вина все же разрешались к провозу, но пошлина на них составляла от 100 до 250% цены, что было равносильно запрету. Провоз железа и чугуна морем (т.е. из Англии) был запрещен, а на сухопутной границе пошлины на чугун составляли 600%, на железо — 250% их стоимости. В результате запретов импорт шелковых изделий упал втрое, импорт крепких спиртных напитков почти прекратился. В целом ввоз в 1822 г. по сравнению с 1820 г. уменьшился на 36%, и внешнеторговый баланс снова стал положительным (31,7 млн руб.) (Струве, 2007, с. 77; Покровский, 1902, с. 120–141). Поддержание баланса с помощью запретов на ввоз свидетельствует о том, что новый тариф носил меркантилистский характер. Спровоцированный введением относительной свободы торговли промышленный кризис привел к тому, что министр финансов Д. М. Гурьев отступился от прежних фритредерских взглядов и признал, что «негативные последствия введения свободы торговли привели к упадку практически всех отраслей промышленности России» (цит. по: Коршунова, 2017, с. 87). Таким образом интересы государства и промышленников вновь возобладали над стремлениями дворян-агариив и иностранных торговцев.

4. Таможенная политика Е. Ф. Канкрина

Преемником Д. М. Гурьева на посту министра финансов стал граф Е. Ф. Канкрин, который в разгар кризиса, в 1821 г., опубликовал трактат «Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство, или Новый взгляд на политическую экономию», где в том числе коснулся вопроса таможенной политики. За двадцать лет до появления книги Фридриха Листа Канкрин пришел к выводу о том, что необходимо различать политическую экономию, которая является наукой о мировой экономике, и национальную экономию, применимую к определенному народу. Положение созданной Адамом Смитом политической экономии о том, что «всегда лучше покупать дешевое иностранное, чем самим производить дорогое», по мнению Канкрина, «противоречит степени независимости, которая, как мы доказали, является существенным условием существования государства. Чтобы не слишком сильно зависеть от иностранцев, необходимо, чтобы народ и правительство имели собственные потребительские товары из числа самых простых и необходимых, например соль, обычную одежду, продукты, необходимые для армии, и т. д., даже если они, как кажется, обходятся стране дороже, чем их закупка». При этом «развитию новых, необходимых отраслей промышленности, пока они не наберут силу, полезно помогать с помощью обложения иностранных продуктов умеренными таможенными пошлинами». Однако чрезмерно высокие пошлины вредны, так как «предоставленная фабрикам монополия, с одной стороны, делает их инертными, а с другой стороны, вынудит часть народа платить завышенные цены, повлечет ослабление других отраслей» (Канкрин, 2018, с. 135, 209, 240).

Министр финансов во многом предвосхитил идеи Фридриха Листа, притом, как утверждал Н. Х. Бунге, Канкрин пренебрегал так называемой школьной ученостью и исходил только из требований практики (Божемянов, 1897, с. 60–61). Этот яркий пример показывает, что, вопреки мнению Кейнса, люди практики не являются «рабами какого-нибудь усопшего экономиста прошлого».

Фридрих Лист в своей знаменитой, опубликованной в 1841 г. книге высоко оценил систему Канкрина: «Достаточно лишь посмотреть последние отчеты русского министерства финансов, чтобы убедиться, что Россия благодаря этой системе достигла высокой степени благосостояния и что она гигантскими шагами продвигается по пути национального богатства и могущества» (Лист, 2005, с. 97).

Нужно отметить, что на исходе своей жизни и деятельности, летом 1843 г., Канкрин во время поездки в Мюнхен для лечения встретился с Листом. Он был впечатлен идеями немецкого экономиста и после долгой пятичасовой беседы пригласил его работать в России. Однако к тому времени Канкрин почти ослеп, в мае 1844 г. он подал в отставку, а в сентябре 1845 г. скончался. В этом же году вышла в свет его последняя книга «Экономия человеческих обществ и состояние финансов», в которой с почтительностью цитируется Фридрих Лист (Автономов и Бурина, 2019, с. 148; Божемянов, 1897, с. 223).

Однако, предвосхищая идеи протекционизма в теории, на практике Канкрин ограничился лишь смягчением меркантилистского охранительного тарифа 1822 г.: «Сочинитель этой книги, сделавшись в 1823 г. министром финансов, нашел этот тариф уже в действии. Он его постепенно усовершенствовал, пополнил, уничтожил много запрещений, понизил многие пошлины, а многие другие для больше-

го доходу и охранения возвысил, некоторые же совершенно отменил» (Канкрин, 1846, с. 15–16). Необходимо отметить, что Канкрин не только понижал пошлины, в 1831 г. было проведено «огульное» 12,5%-ное их повышение в чисто фискальных целях. Фискальным характером отличался и тариф 1841 г. (Соболев, 1911, с. 4–5).

Стремление увеличить таможенные сборы и сохранение множества запретов показывает, что в политике Канкрин сохранялись черты меркантилизма. Тем не менее министр финансов был удовлетворен достигнутыми результатами: «Если даже промышленность не достигла совершенства в предметах высшей утонченности, то зато отлично производит предметы хорошие, средние и маловажные. Русские сукна среднего качества лучше и не дороже французских. Фабрики бумажных материй находятся в цветущем состоянии, равно как и прядильные; шелковые товары уступают только лионским. Петербург и Москва наполнены фабриками...» (Канкрин, 1846, с. 21–22).

Преемник Канкрин на посту министра финансов граф Ф. П. Вронченко продолжал следовать политике предшественника. При обсуждении в 1845 г. вопроса о снижении таможенных пошлин он указывал на «сильное развитие производительности России под охраной запретительной политики графа Канкрин» и в подкрепление своих доводов приложил обширную выписку из книги Фридриха Листа. Вместе с тем Вронченко в меркантилистском духе утверждал, что понижение пошлин уменьшит государственные доходы. Чрезвычайно важно, что в этой аргументации проявились социальные воззрения министра финансов, он говорил, что таможенные сборы — *«наиболее оправдываемый налог, ибо он касается только людей имущих»* (Лодыженский, 1886, с. 231). Еще в 1818 г. Канкрин представил в правительство проект освобождения крестьян, в котором энергично протестовал против роскоши помещиков и ужасающего положения крепостных (Канкрин, 2018, с. 125–126). Канкрин и Вронченко были государственниками, которые занимали антидворянскую позицию не только в сфере таможенной политики, но по широкому кругу вопросов. Многие историки отрицают самостоятельную роль государства и полагают, что государственные деятели были слугами элиты. Так, Д. Ажемоглу и Дж. Робинсон писали, что Канкрин пренебрегал нуждами промышленности, что «целью политики Канкрин было укрепление традиционных политических опор режима, прежде всего помещичьей аристократии, сохранение патриархального и аграрного общественного уклада» (Ажемоглу и Робинсон, 2016, с. 182). В действительности, как мы видим, Канкрин и Вронченко служили не помещичьей аристократии, а государству и в первую очередь заботились о развитии промышленности.

В период министерства Канкрин и Вронченко, в 1825–1850 гг., численность рабочих на фабриках возросла с 211 до 501 тыс., в том числе на хлопчатобумажных предприятиях — с 47 до 110 тыс., на суконных — с 64 до 98 тыс. (Туган-Барановский, 1997, с. 113; Витчевский, 2020, с. 90). С 1842 г., когда Англия разрешила вывоз машин, началось ускоренное развитие хлопкопрядильной промышленности. Россия к началу 1850-х годов имела в полтора раза больше установленных веретен, чем Германский таможенный союз. Туган-Барановский объясняет это тем, что в Германии пошлины были очень умеренными, а в России в 1841 г. пошлина на английскую пряжу была увеличена до 50 % от цены товара (Туган-Барановский, 1997, с. 123, 128). К 1855 г. ввоз английской пряжи уменьшился в пять раз, и ткацкие фабрики стали работать в основном на местной пряже. Высокие тарифы способство-

вали развитию сахарной, шелкоткацкой, бумажной и ряда других отраслей легкой промышленности. Напротив, низкие тарифы на ввоз машин привели к замедлению развития машиностроения; после 1842 г. были закрыты многие предприятия, что оказало негативный эффект во время Крымской войны (Витчевский, 2020, с. 81; Сорокин, 2009, с. 85; Соловьева, 1990, с. 45–46, 60–61, 91).

Большой разницей мнений проявляется при оценке деятельности Е. Ф. Канкрина. К. Мондэй полагает, что источником идей Канкрина был меркантилизм, который обычно считают немецкой разновидностью меркантилизма (Мондэй, 2014; 2018). Некоторые исследователи называют Канкрина протекционистом, но в действительности министр финансов не следовал принципам протекционизма в самом важном для экономического развития вопросе — вопросе о таможенных пошлинах на металлы. Сознавая вред чрезмерных пошлин, он, тем не менее, совершал ошибку, сохраняя запретительные пошлины на чугун и железо. Благодаря богатой рудной базе уральские горные заводы производили высококачественный металл, а использование подневольных приписных работников значительно понижало себестоимость. Уральское железо в больших масштабах вывозилось за границу. Производство железа увеличилось в 1822–1850 гг. с 6,6 до 10,0 млн пудов, однако при этом экспорт упал с 1,2 до 0,7 млн пудов. Уменьшение экспорта объяснялось тем, что стоимость уральского железа в Петербурге в этот период была почти постоянной, в то время как в Англии она понизилась на 60 %, английское железо вытесняло российский металл на европейских рынках. Это был результат промышленного переворота в металлургии, выразившегося в применении кокса и в пудлинговании. В России эти технические новшества почти не применялись: не испытывая иностранной конкуренции на внутреннем рынке, уральские заводчики продолжали получать монопольные прибыли, используя старую технику (Туган-Барановский, 1997, с. 139–140; Лодыженский, 1886, с. 308–309). Таким образом, охранительная таможенная политика (которую не нужно путать с подлинным протекционизмом) привела к тому, что вплоть до 1850-х гг. важнейшая отрасль народного хозяйства, металлургия, оставалась на обочине промышленной революции. В 1825 г. производство чугуна в России было примерно таким же, как во Франции, и в четыре раза больше, чем в Германии. В 1855 г. Россия производила металла в три раза меньше, чем Франция, и в полтора раза меньше, чем Германия (подсчитано по: Мендельсон, т. 2, 1959, с. 523–524, 578, 734).

Быстрое развитие металлургии на Западе было связано с интенсивным железнодорожным строительством, так как это строительство потребляло основную часть производимого металла. Недооценка перспектив железных дорог была еще одной ошибкой Канкрина: опираясь на расчеты специалистов, он полагал, что более выгодна транспортировка грузов по водным путям. Министр финансов считал строительство железных дорог рискованным предприятием, которое приведет к непроизводительной растрате капиталов, он принципиально ограничивал поддержку государственными банками всех предприятий (в том числе промышленных), не обеспеченных предоставлением залога. Это объяснялось тем, что банки имели ограниченные средства, которые использовались в первую очередь для покрытия дефицитов государственного бюджета, то есть в основном для покрытия военных расходов. Однако расчеты специалистов не учитывали постепенного удешевления стоимости железнодорожных перевозок. Таким образом, консерватизм

правлящей бюрократии привел к отставанию России в строительстве железных дорог, которые вскоре стали важнейшим фактором технического и экономического прогресса (Нефедов, 2021, с. 505–506; Pintner, 1964, pp. 54–55, 60–61). В конечном счете эти ошибки были ошибками государственного регулирования, которое практиковали адепты меркантилизма.

Европейские революции 1848 г. побудили императорское правительство принять меры, которые теснее привязали бы Польшу к России, и ликвидировать польско-российскую таможенную границу. Это стало главной причиной появления тарифа 1850 г., в котором незначительно (на 10–15 %) понижались ввозные пошлины на качественные ткани, галантерею, часовой товар и т. п. Однако запрещения на ввоз железа и чугуна по морской границе остались в силе, пошлины на сухопутной границе были немного уменьшены, но оставались высокими (Витчевский, 2020, с. 92; Лодыженский, 1886, с. 248, 253).

Отставание металлургической промышленности России в сравнении с промышленностью стран Западной Европы побудило правительство к созданию в 1852 г. Комиссии для изыскания средств к развитию железного производства в России. Комиссия пришла к выводу, что отставание в объемах производства объясняется недостаточным спросом на железо (в отличие от западных стран, в России спрос не стимулировался железнодорожным строительством). Комиссия утверждала, что в случае увеличения спроса он может быть вполне удовлетворен увеличением отечественного производства, и настаивала на сохранении охранительных запретов и пошлин. При этом приводился пример Франции, где при неблагоприятных условиях металлургическая промышленность развивалась только благодаря высоким пошлинам на иностранное железо. Это мнение, однако, не разделялось Тарифным комитетом, который апеллировал к примеру Пруссии, где при умеренных тарифах металлургия развивалась за счет внедрения новой техники и использования каменного угля (Тарасов, 2012; 2012а). Дискуссия о влиянии таможенной политики на развитие российской металлургии была прервана Крымской войной, после которой в действие вступили другие аргументы.

Заключение

Таким образом, таможенная политика России в первой половине XIX в. формировалась под влиянием внешних и внутренних факторов. Внешний фактор — это требования, выдвигаемые союзниками в коалициях, в которых участвовала Российская империя. Внутренние факторы в основном определялись борьбой двух сил, имеющих противоположные экономические интересы. Одной из сил были аграрии, землевладельцы-дворяне, заинтересованные в свободной торговле, то есть в свободном экспорте сельскохозяйственной продукции и беспошлинном получении мануфактурных товаров (в том числе предметов роскоши) из промышленных стран. Их основным контрагентом и союзником были английские купцы и промышленники, оказывавшие соответствующее воздействие на английское правительство. Другой силой, роль которой до сих пор принижается историками, было абсолютистское государство в лице монарха и центральной бюрократии. Государство было заинтересовано в поддержании военной и финансовой мощи и в экономической независимости, что подразумевало наличие промышленности,

которую следовало охранять от иностранной конкуренции посредством высоких таможенных пошлин. Интересы этих сил находились в идейном противостоянии: с одной стороны, прокламирующая свободу торговли политическая экономия Адама Смита, с другой — выражающий практические потребности государства традиционный меркантилизм.

Данный конфликт впервые явно проявился в убийстве в ходе государственного переворота Павла I, проводившего меркантилистскую политику. После данного события наступил период отмены многочисленных запретов и снижения пошлин в духе свободной торговли (тариф 1804 г.). Однако война и континентальная блокада заставили правительство вернуться к жесткой меркантилистской политике (тариф 1811 г.). Характерно, что этот возврат осуществлялся в атмосфере патриотического подъема и экономического национализма. Охранительная политика способствовала промышленному подъему в 1811–1815 гг. После окончания Наполеоновских войн под давлением союзников пошлины были значительно снижены (тариф 1819 г.), однако относительная свобода торговли привела к массовому разорению русских мануфактур, и тариф 1822 г. ознаменовал решительный поворот к охранительной меркантилистской политике. Хотя Е. Ф. Канкрин на словах придерживался протекционизма, в действительности он продолжал меркантилистскую политику, ограничиваясь несущественным снижением пошлин и снятием некоторых запретов. Однако он сохранил наиболее важный запрет на импорт металлов морским путем и высокие пошлины на ввоз по сухопутной границе. При отсутствии конкуренции уральские заводчики получали монопольные прибыли на внутреннем рынке, они не были заинтересованы во внедрении новой техники, и промышленный переворот прошел мимо российской металлургии. В то время как бездумный переход к свободной торговле в 1819 г. вызвал разорение значительной части мануфактур, доведенная до крайности охранительная политика вызывала техническую стагнацию в важнейших отраслях экономики, что предопределило дальнейшее экономическое отставание в процессе «великой дивергенции».

Литература

- Автономов, В. С. и Бурина, Е. Ю. (2019) 'Фридрих Лист в России', *Общественные науки и современность*, 2, с. 145–159.
- Аджемоглу, Д. и Робинсон, Дж. А. (2016) *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Пер. Д. Литвинов. М.: АСТ.
- Божеянов, И. Н. (1897) *Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов*. СПб.: Общественная польза.
- Валишевский, К. (1990) *Вокруг трона*. М.: СП «ИКПА».
- Витчевский, В. (2020) *Торговая, промышленная и таможенная политика России со времен Петра Великого до наших дней*. Челябинск; М.: Социум.
- Гамильтон, А. (1807) *Отчет генерал-казначея Александра Гамильтона, учиненный Американским штатам 1791 г., о пользе мануфактур в отношении оных к торговле и земледелию*. СПб.: Тип. В. Плавильщикова.
- Канкрин, Е. Ф. (1846) 'Экономия человеческих обществ и состояние финансов', *Библиотека для чтения*, 79, IV, с. 1–52.
- Канкрин, Е. Ф. (2018) *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Дело.
- Кейнс, Дж. М. (2007) *Общая теория занятости, процента и денег. Избранное*. Пер. Е. В. Виноградова. М.: Эксмо.
- Кенэ, Ф., Тюрго, А. Р. Ж. и Дюпон де Немур, П. С. (2008) *Физиократы. Избранные экономические произведения*. Пер. А. В. Горбунова, П. Н. Клюкина. М.: Эксмо.

- Коршунова, Н. В. (2017) 'Таможенное регулирование в России в первой четверти XIX в.: выбор пути экономического развития', *Общество: философия, история, культура*, 8, с. 83–86.
- Коршунова, Н. В. (2008) 'Экономические реформы в России в первые десятилетия XIX в.', *Проблемы истории, филологии, культуры*, 22, с. 155–163.
- Лист, Ф. (2005) *Национальная система политической экономики*. М.: Европа.
- Лобас, Е. В. и Савченко, М. М. (2017) *Внешнеторговая и таможенная политика Российской империи начала XIX века*. М.: Российская таможенная академия.
- Лодыженский, К. Н. (1886) *История русского таможенного тарифа*. СПб.: Тип. В. С. Балашева.
- Марней, Л. П. (2009) *Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в.* М.: Индрик.
- Мендельсон, Л. А. (1959) *Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 2. (В 4 т.)* М.: Изд-во социально-экономич. литературы.
- Минаева, Т. С. (2011) 'Проблема контрабанды в таможенной политике России XVIII века', *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 6, с. 34–40.
- Мондэй, К. (2014) 'Национальная идентичность и экономическая наука: Е. Ф. Канкрин в русском общественном сознании', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 3, с. 86–112.
- Мондэй, К. (2018) 'Камерализм как источник научного аппарата Е. Ф. Канкрин', в Канкрин, Е. Ф. *Мировое богатство и национальная экономика*. М.: Дело, с. 59–81.
- Мордвинов, Н. С. (1816) *Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе*. СПб.: Тип. И. Глазунова.
- Нефедов, С. А. (2021) 'О формировании феномена экономического отставания России в первой половине XIX века', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 37 (3), с. 489–509. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2021.306>
- Павлов, В. А. (1997) 'Академик Андрей Шторх: имя, которое замалчивалось восемьдесят лет', *Вестник Российской Академии наук*, 67 (5), с. 433–445.
- Покровский, С. А. (1947) *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России*. М.: Международная книга.
- Покровский, В. И. (ред.) (1902) *Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. (В 2 т.)*. СПб.: Департамент таможенных сборов.
- Румянцев, Н. П. (2011) 'О разуме тарифа', в Лопатников, В. А. *Канцлер Румянцев: Время и служение*. М.: Молодая гвардия, с. 288–298.
- Святловский, В. В. (1906) *К истории политической экономики и статистики в России*. СПб.: Начало.
- Смит, А. (1962) *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Соцгиз.
- Соболев, М. Н. (1911) *Таможенная политика России во второй половине XIX в.* Томск: Сибирское товарищество печатного дела.
- Соловьева, А. М. (1990) *Промышленная революция в России в XIX в.* М.: Наука.
- Сорокин, Ю. А. (1996) *Павел I. Личность и судьба*. Омск: Омский госуниверситет.
- Сорокин, А. И. (2009) 'Протекционизм и промышленное развитие России в XIX веке', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 4, с. 82–93.
- Струве, П. Б. (2007) *Торговая политика России*. Челябинск: Социум.
- Тарасов, Р. С. (2012) 'Средства развития металлургической промышленности в странах Западной Европы и России середины XIX века', *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*, 27, с. 1030–1032.
- Тарасов, Р. С. (2012а) 'Инновационные мероприятия таможенной политики как средство развития металлургической промышленности России середины XIX века', *Экономическая история*, 2 (17), с. 26–31.
- Туган-Барановский, М. И. (1997) *Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке*. М.: Наука.
- Фонвизин, М. А. (1908) 'Из записок Фонвизина', в *Царевбийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников*. СПб.: А. С. Суворин, с. 199–214.
- Штейн, В. М. (1924) *Развитие экономической мысли. Т. I. (В 2 т.)*. Л.: Сеятель.
- Эйдельман, Н. Я. (1986) *Грань веков*. М.: Мысль.
- Goldstone, J. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- Pintner, W. (1964) 'Government and Industry during the Ministry of Count Kankrin, 1823–1844' *Slavic Review*, 23 (1), pp. 45–62.

Контактная информация:

Нефедов Сергей Александрович — д-р ист. наук, доц.; hist1@yandex.ru

The forming of the customs policy of Russia in the first half of the 19th century

S. A. Nefedov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16, ul. Sofii Kovalevskoy, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation
Ural Federal University,
19, ul. Mira, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

For citation: Nefedov, S. A. (2023) 'The forming of the customs policy of Russia in the first half of the 19th century', *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 39 (2), pp. 268–286.
<https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.206> (In Russian)

The article is devoted to the study of the influence of customs policy on the economic development of Russia in the first half of the 19th century. If we do not take into account the demands of the coalition allies, then this policy was mainly determined by the struggle of two forces with opposing economic interests. One of the forces was “agrarians”, landowners-nobles, interested in free trade, that is, in the free export of agricultural products and the duty-free receipt of manufactured goods from industrial countries. Another force, whose role is still downplayed by historians, was the absolutist state, personified by the monarch and the central bureaucracy. The state was interested in maintaining military and financial power, and in economic independence. This implied an industry that had to be protected from foreign competition by high customs duties. The interests of these forces were reflected in the ideological confrontation. On the one hand, the ideas of Adam Smith’s “political economy” proclaiming freedom of trade were popular among the nobility. On the other hand, the bureaucracy used in its practice the ideas of traditional mercantilism. After the end of the Napoleonic wars, duties were significantly reduced (tariff of 1819), but the relative freedom of trade led to the massive ruin of Russian manufactories. As a result, the tariff of 1822 marked a decisive turn towards mercantilist politics. Although Treasury Secretary Kankrin was lip service to protectionism, he retained the most important mercantilist ban on metal imports by sea. In the absence of competition, the Ural industrialists were not interested in introducing new technology, and the industrial revolution passed by the Russian metallurgy. Thus, while the thoughtless transition to free trade in 1819 caused the ruin of a large part of the manufactures, the mercantilist policy carried to the extreme caused technical stagnation in the most important branches of the economy. This predetermined the further economic lag in the process of “great divergence”.

Keywords: economic policy, customs policy, freedom of trade, mercantilism, protectionism, tariff of 1819, tariff of 1822.

References

Acemoglu, D. and Robinson, J. (2016) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Rus. ed. Moscow: AST Publ. (In Russian)

- Avtonomov, V. S. and Burina, E. Yu. (2019) 'Friedrich List in Russia', *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2, pp. 145–159. (In Russian)
- Bozherjanov, I. N. (1897) *Graf Yegor Frantsevich Kankrin, his life, literary works and twenty years of management of the Ministry of Finance*. St Petersburg: Obshchestvennaia pol'za Publ. (In Russian)
- Eidelman, N. Ya. (1986) *The Edge of Centuries*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
- Fonvizin, M. A. (1908) 'From Fonvizin's notes', in *Regicide on March 11, 1801. Notes of participants and contemporaries*. St Petersburg: A. S. Suvorin Publ., pp. 199–214. (In Russian)
- Goldstone, J. (1991) *Revolution and Insurrection in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
- Hamilton, A. (1807) *Report of the Treasurer General Alexander Hamilton, committed to the American states in 1791 on the benefits of manufactories, in relation to trade and agriculture*. Rus. ed. St Petersburg: Plavilshchikova Publ. (In Russian)
- Kankrin, E. F. (1846) 'The economy of human societies and the state of finance', *Biblioteka dlia chteniia*, 79, pp. 1–52. (In Russian)
- Kankrin, E. F. (2018) *World wealth and national economy*. Moscow: Delo Publ. (In Russian)
- Keynes, J. M. (2007) *General theory of employment, interest and money. Favorites*. Rus. ed. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)
- Korshunova, N. V. (2008) 'Economic reforms in Russia in the first decades of the 19th century', *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 22, pp. 155–163. (In Russian)
- Korshunova, N. V. (2017). 'Customs regulation in Russia in the first quarter of the 19th century: choosing the path of economic development', *Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura*, 8, pp. 83–86. (In Russian)
- List, F. (2005) *The National System of Political Economy*. Rus. ed. Moscow: Evropa Publ. (In Russian)
- Lobas, E. V. and Savchenko, M. M. (2017) *Foreign trade and customs policy of the Russian Empire at the beginning of the 19th century*. Moscow: Russian Customs Academy Press. (In Russian)
- Lodyzhensky, K. N. (1886) *History of the Russian customs tariff*. St Petersburg: V. S. Balashev Publ. (In Russian)
- Marney, L. P. (2009) *D. A. Guryev and the financial policy of Russia at the beginning of the nineteenth century*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian)
- Mendelson, L. A. (1959) *Theory and history of economic crises and cycles*. Vol. 2. (In 4 vols.) Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury. (In Russian)
- Minaeva, T. S. (2011) 'The problem of smuggling in the customs policy of Russia of the 18th century', *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 6, pp. 34–40. (In Russian)
- Monday, K. (2014) 'National Identity and Economic Science: E. F. Kankrin, in the Russian Public Consciousness', *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 3, pp. 86–112. (In Russian)
- Monday, K. (2018). 'Cameralism as a source of the scientific apparatus of E. F. Kankrin', in Kankrin, E. F. *World wealth and national economy*. Moscow: Delo Publ., pp. 59–81. (In Russian)
- Mordvinov, N. S. (1816) *Some considerations on the subject of manufactures in Russia and on the tariff*. St Petersburg: I. Glazunov Publ. (In Russian)
- Nefedov, S. A. (2021) 'On the formation of the phenomenon of Russia's economic lag in the first half of the nineteenth century', *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 37 (3), pp. 489–509. (In Russian)
- Pavlov, V. A. (1997) 'Academician Andrey Storkh: a name that has been hushed up for eighty years', *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk*, 67 (5), pp. 433–445. (In Russian)
- Pintner, W. (1964) 'Government and Industry during Count Cancrin's Ministry, 1823–1844', *Slavic Review*, 23 (1), pp. 45–62.
- Pokrovsky, S. A. (1947) *Foreign trade and Foreign trade policy of Russia*. Moscow: Mezhdunarodnaia kniga Publ. (In Russian)
- Pokrovsky, V. I. (ed.) (1902) *Collection of information on the history and statistics of foreign trade of Russia*. Vol. 1. (In 2 vols.) St Petersburg: Departament tamozhennykh sborov Publ. (In Russian)
- Quesnay, F., Turgot, A. R. J. and Dupont de Nemours, P. S. *Physiocrats. Selected economic works* (2008). Rus. ed. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Rumyantsev, N. P. (2011) 'On the reason of the tariff?', in Lopatnikov, V. A. *Chancellor Rumyantsev: Time and Service*. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., pp. 288–298. (In Russian)
- Skokpol, T. (1979) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Smith, A. (1962) *Research on the nature and causes of the wealth of nations*. Rus. ed. Moscow: Sotsegiz Publ. (In Russian)

- Sobolev, M.N. (1911) *Customs policy of Russia in the second half of the 20th century*. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela Publ. (In Russian)
- Solovyova, A.M. (1990) *The Industrial Revolution in Russia of the 19th century*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Sorokin, I. (2009) 'Protectionism and industrial development of Russia in the nineteenth century', *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 4, pp.82–93. (In Russian)
- Sorokin, Yu. A. (1996) *Pavel I. Personality and destiny*. Omsk: Omsk State University Press. (In Russian)
- Stein, V.M. (1924) *The development of economic thought. Vol. 1*. (In 2 vols.) Leningrad: Seiatel' Publ. (In Russian)
- Struve, P.B. (2007) *Trade policy of Russia*. Chelyabinsk: Sotsium Publ. (In Russian)
- Svyatlovsky, V.V. (1906) *On the History of Political Economy and Statistics in Russia*. St Petersburg: Nachalo Publ. (In Russian)
- Tarasov, R.S. (2012) 'Means of development of the metallurgical industry in the countries of Western Europe and Russia in the middle of the 19th century', *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 27, pp.1030–1032. (In Russian)
- Tarasov, R.S. (2012a) 'Innovative measures of customs policy as a means of developing the metallurgical industry of Russia in the middle of the 19th century', *Ekonomicheskaja istoriia*, 2 (17), pp.26–31. (In Russian)
- Tugan-Baranovsky, M. I. (1997) *Favorites. Russian factory in the past and present, The historical development of the Russian factory in the 19th century*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Valishevsky, K. (1990) *Around the throne*. Moscow: IKPA Publ. (In Russian)
- Witchevsky, V. (2020) *Trade, industrial and customs policy of Russia from the time of Peter the Great to the present day*. Chelyabinsk; Moscow: Sotsium Publ. (In Russian)

Received: 20.07.2022

Accepted: 16.02.2023

Author's information:

Sergey A. Nefedov — Dr. Sci. in History, Associate Professor; hist1@yandex.ru